

Кравченко Л.И.

РЕГИОНАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Аннотация. Автор подробно рассматривает понятие регионального (субрегионального) лидера, который должен обладать такими ключевыми характеристиками, как ресурсная мощь, военный потенциал и наличие политических амбиций лидерства. На основе обработки статистических данных и анализа внешнеполитических концепций автор выделяет государства, которые уже стали полюсами силы (притяжения) в регионе или обладают потенциалом, чтобы в будущем инициировать и возглавить интеграционные процессы. Данный анализ позволяет прогнозировать перспективы интеграционных процессов в Латинской Америке в средне- и долгосрочной перспективе. При классификации полюсов автор применял факторный анализ, выявление потенциальных лидеров осуществлялось на базе компаративного подхода и статистических методов обработки динамических рядов. Особым вкладом автора является разработка методологии определения региональных и субрегиональных лидеров на основе количественной оценки. Автор представляет трехфакторную модель регионального лидерства — на основе ресурсной мощи (экономика, демография и территория), военной мощи (расходы на оборону и численность вооруженных сил) и лидерских амбиций (политической воли).

Ключевые слова: полюс, ресурсная мощь, экономический полюс, военный потенциал, политический центр, Латинская Америка, Бразилия, интеграция, региональный лидер, МЕРКОСУР.

Review. The author examines closely the concept of (sub)regional leader. The leader should have such characteristic features as powerful resource potential, military capacity and political ambitions of leadership. The author has analysed statistical data and foreign policy concepts, and identified states that have become poles of power (gravity) in the region, or have the potential to initiate the integration processes in the future. This analysis allows to predict the medium- and long-term prospects of integration processes in Latin America. To classify the poles, the author has used factor analysis, comparative approach and statistical methods for processing time series to identify potential leaders. Special contribution of the author is elaboration of a methodology for identification of regional and sub-regional leaders based on quantitative assessment. The author presents the three-factor model of regional leadership: based on the resource potential (economics, demography and territory), military power (defence expenditures and size of armed forces), and leadership ambitions (political will).

Keywords: integration, Brazil, Latin America, political centre, military capacity, economic pole, resource potential, pole, regional leader, Mercosur.

Укрепляющий влияние на мировой арене регион Латинская Америка прошел длительную историю самоидентификации, возврата к национально ориентированной политике, последовательного формирования интеграционных организаций, образования региональных и субрегиональных лидеров.

Изучению процесса выявления лидерского потенциала государств посвящена данная научная статья. Региональный лидер, именуемый как полюс притяжения (государство, которое становится ядром интеграционного объединения), должен обладать такими ключевыми параметрами, как ресурсная мощь, военный потенциал и наличие политической воли у лидера государства. Образование таких устойчивых объединений как МЕРКОСУР, АЛБА сопровождалось усилением потенциала государств, ставших ядром центрального интеграционного об-

разования^[7]. Потенциал многих государств, которые в данный момент не претендуют на активную позицию в региональной политике, будучи сосредоточенными на вопросах внутреннего развития, может быть в перспективе достаточным для выявления новых региональных лидеров.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЛЮС

Экономический полюс определяется через статистическую модель — динамичный индекс, включающий в себя совокупность параметров: доля ВВП, доля населения, доля территории в общем ВВП, численности жителей и площади территории Латинской Америки. Отобранные показатели должны быть малочисленны, наиболее емкими, отражающими потенциал и мощь государства: так, территория и население страны — это ресурс будущего, который также используется в настоящем, одновременно

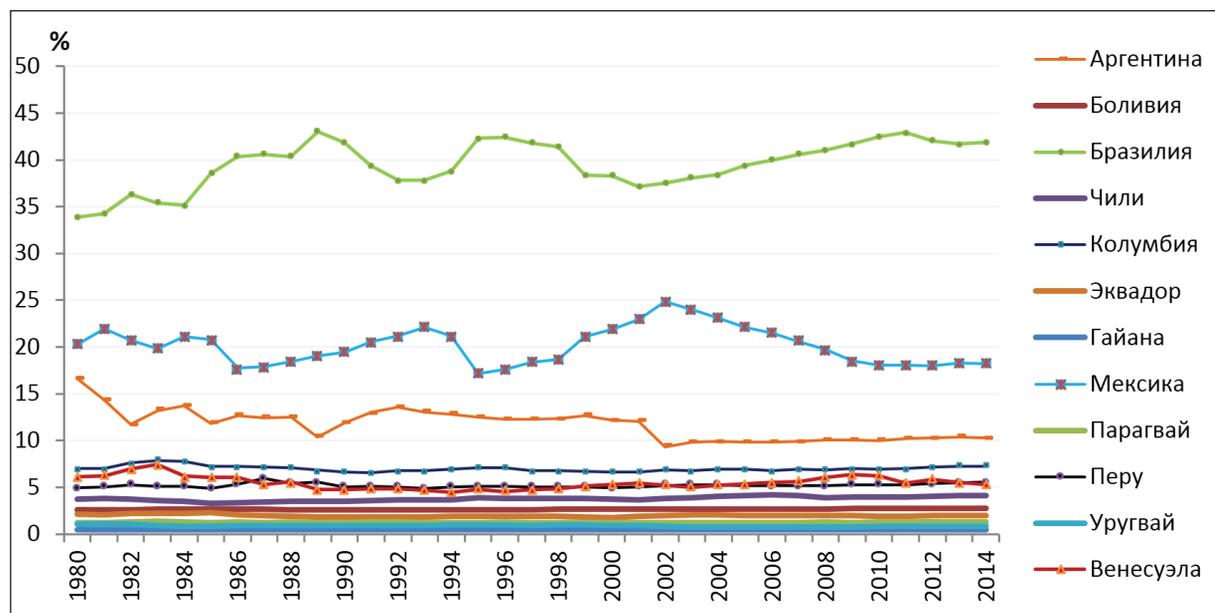

Рис. 1. Динамика коэффициента ресурсной мощи
(расчет на основе статистических данных МВФ, Всемирного банка)

выступает потенциалом на случай усиления конкуренции. Объем ВВП — это экономическая мощь в текущем моменте, которая является индикатором ресурсных возможностей влияния на экономику других стран посредством инвестиционной, торговой, политики, международной экономической помощи и иных инструментов.

Индекс совокупной мощи по годам (рис. 1) демонстрирует следующие явления: наиболее влиятельными странами в регионе традиционно выступали Бразилия, Мексика и Аргентина. Абсолютный лидер — Бразилия — с начала 2000-х годов начинает наращивать свое влияние, в то время как Аргентина — теряет. Долгое соперничество двух держав в рамках одного объединения привело к признанию Аргентиной доминирующей роли Бразилии. При иных обстоятельствах Аргентина могла бы стать полюсом притяжения в регионе, но учитывая ее геополитическое положение — южный конус и соседство с Бразилией — закономерной стала синергия их совокупной мощи через механизмы интеграции. Вторая по потенциалу экономика региона — Мексика из-за геополитического положения — близость к США и соседство с мелкими государствами перешейка, экономический союз с которыми не оказал бы влияния на экономический рост страны, ориентировалась на интеграцию с северным соседом при частичном дистанцировании от процессов латиноамериканского региона.

Второй эшелон субрегиональных лидеров — это Колумбия, Венесуэла и Перу. В силу своего геополитического положения, экономической мощи и исторического прошлого центром интеграции северной части южного континента должна была выступить Колумбия. Во-первых, она граничит с несколькими государствами. Во-вторых, исторически именно на территории современной Колумбии существовало единое государство Новая Гранада, преобразованное впоследствии в Великую Колумбию. В третьих, экономически Колумбия оставалась одной из самых влиятельных в субрегионе. Однако препятствиями стали: политический раскол страны, когда долгое время контроль над территорией осуществляли силы Фарк, отсутствие политической воли у руководства страны и амбиций на лидерство, проамериканский внешнеполитический курс, предопределивший процесс встраивания государства в североамериканскую политическую систему.

Перу по своей территории и численности населения превосходит Венесуэлу, то есть по совокупному потенциалу это государство остается способным стать субрегиональным лидером.

Три потенциальных региональных лидера — Мексика, Колумбия и Перу совместно с Чили учредили в 2012 году торговый блок — Тихоокеанский альянс. Учитывая значительно превышающий потенциал Мексики, стоит ожидать, что если блок будет успешно функционировать, то его ядром будет именно Мексика. Но внешнеполитическая ориен-

тация государств свидетельствует о вашингтонских корнях проекта, таким образом, это объединение выступает не как латиноамериканское, а по своим чертам чуждое латиноамериканскому регионализму.

Лидером в субрегионе, вокруг которого было создано интеграционное объединение АЛБА, стала Венесуэла. Динамичный рост экономики в начале 2000-х годов на фоне повышения цен на главный экспортный товар — нефть, наличие волевого лидера (тогда государство возглавлял Уго Чавес, который после покушения в 2002 году активно стал выстраивать союз с настроенными атиамериканскими государствами), инициировавшего интеграционный процесс, сходство политических систем государств определило условия, ставшие основой интеграции.

Итак, по экономическому потенциалу на роль регионального лидера с 1980-го года могли претендовать Бразилия, Мексика, Аргентина, Колумбия, Перу и Венесуэла. Проанализируем дополнительные факторы, определившие их положение в политической системе латиноамериканских государств. Необходимо учитывать, что изменение данных дополнительных факторов может привести к тому, что потенциальный полюс притяжения станет реальным центром силы, возглавив интеграционный процесс в регионе.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

Политический полюс предполагает наличие политической воли у руководителя для организации регионального объединения, реализация независимого внешнеполитического курса. Учитывая традиционную ориентацию стран региона на связи с США, зависимость от их внешнеполитической линии, в Латинской Америке к 2000-м годам сложилось ограниченное число стран, выступающих на открыто антиамериканских позициях. Рассмотрим 7 государств, определенных ранее как потенциальные экономические полюсы притяжения.

Бразилия (коэффициент ресурсной мощи — 41,9) с момента прихода к власти Партии трудящихся во главе с Лула да Силва провозгласила курс на активную самостоятельную внешнюю политику с опорой на латиноамериканские союзы и левые силы континента. Бразилия стала позиционировать себя в качестве новой восходящей державы^[1]. Роль регионального ядра виделась Бразилии как необходимая ступень к продвижению на международной арене.

Мексика (коэффициент ресурсной мощи — 18,23) как активный член НАФТА не претендовала на роль ядра нового интеграционного объединения и традиционно следовала за лидером, что ста-

ло следствием установления «особых отношений» с США^[2]. Анализ политики Мексики показывает, что чем больше Мексика втягивается в орбиту интересов США, тем больше она отдаляется и расходится во взглядах с Латинской Америкой, именно в силу данного ключевого фактора эта страна не стала политическим полюсом притяжения для латиноамериканских республик^[6].

Аргентина (коэффициент ресурсной мощи — 0,26). Позиция страны на мировой арене до 1999 года определялась концепцией «периферийного реализма», для которого характерен отказ от притязания на ведущую роль в мировой системе через реалистичную оценку периферийного положения страны. Основной принцип внешней политики сводился к экономической выгоде, а ключевым партнером в регионе оставались США. Проамериканская ориентация вынудила страну отказаться от традиционного нейтралитета в международных делах и отправить воинский контингент в 1990 году в Персидский залив, что вызвало волну протеста внутри страны, когда общественность осудила «вмешательство в войну, не имевшую непосредственного отношения к безопасности страны». Данная политика Аргентины не вызвала поддержки и в регионе^[3]. С 2003 года, когда к власти пришло левое правительство Н. Кишнера, внешнеполитический вектор начал меняться в сторону сотрудничества с другими странами левого фланга, хотя отношения с США оставались взвешенными. Аргентина в начале 2000-х готова была выступить в роли политического центра, но будучи членом МЕРКОСУР она признала очевидное лидерство Бразилии, превосходящей ее по потенциалу.

Колумбия (коэффициент ресурсной мощи — 7,26) была втянута во внутривнутриполитические проблемы: продолжительные войны с ФАРК за власть, охрана границ заставляли проводить политику, направленную на сохранение государственности. Традиционно проамериканский внешнеполитический курс в добавление к акцентированию на внутренних проблемах, не позволили государству стать политическим лидером.

Венесуэла (коэффициент ресурсной мощи — 5,32) с приходом левого правительства Уго Чавеса провозгласила курс на сотрудничество с государствами, выпадающими из сферы влияния США. Она резко осудила политику Вашингтона, в том числе многолетние санкции в отношении Кубы. Идеологически совпадая во взглядах с лидером кубинской революции, Уго Чавес распространяет левые идеи на сопредельные страны, где во многом благодаря финансовой помощи Венесуэлы победу одерживали

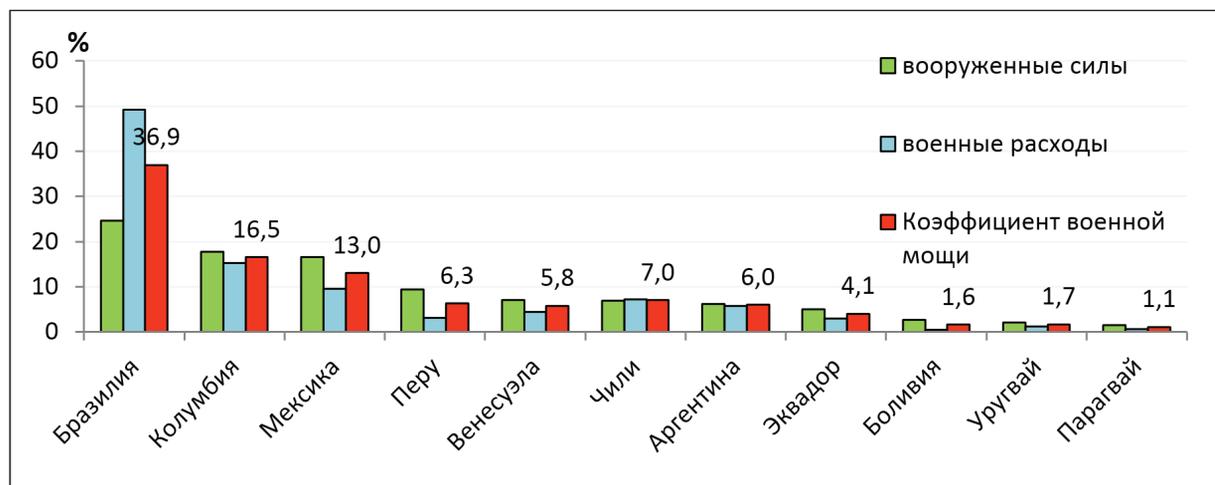

Рис. 2. Коэффициент военной мощи (расчет на основе статистических данных СИПРИ)

левые правительства. Венесуэла стала позиционировать себя как государство — лидер левого движения в регионе, имеющее ресурсы для поддержки стран, готовых идти по пути Венесуэлы во внутренней и внешней политике^[4]. Таким образом, страна стала активно действовать на региональной и международной арене и выступила не только политическим, но и идеологическим центром, предложив модель Боливарианского социализма.

Перу (коэффициент ресурсной мощи — 5,55) в новом тысячелетии проводила прагматичную политику, направленную на создание благоприятных внешних условий для своего экономического развития. В 2006 г. страна заключила соглашение о свободной торговле с НАФТА, тем самым определила свой курс как проамерикански ориентированный. На международной арене позиция страны трансформировалась в умеренную критику Штатов: Перу не поддержало инициативу США по решению конфликтов силовыми методами в Косово и Ираке, не одобрило проведение военных маневров на своей территории^[5], однако на роль регионального лидера Перу не высказывало своих претензий, будучи ориентированным на встраивание в действующие союзы (Перу — это член Андского сообщества).

ВОЕННЫЙ ПОЛЮС

Коэффициент военной мощи рассчитан как среднеарифметическое между долей расходов на оборону государства в совокупных расходах региона и долей численности вооруженных сил в совокупной численности армий на латиноамериканском континенте. В военном аспекте абсолютным лидером выступает Бразилия (рис. 2), потенциал которой более чем в два раза превосходит следующее за ней государство — Колумбию. Значительный военный

потенциал Колумбии связан необходимостью борьбы с террористическим движением ФАРК и пресечением наркотрафика. Аргентина как потенциальный противобес Бразилии в интеграции входит во второй эшелон региональных лидеров по показателю военной мощи.

Итак, данное исследование выявило лидерский потенциал Бразилии, которая выступает одновременно в виде экономического, политического и военного полюса притяжения. Совпадение этих полюсов свидетельствуют о значительной устойчивости занятого страной положения (как полюса влияния). Вторым потенциальным полюсом силы могла выступить Мексика (второй экономический полюс, третий — военный), однако в силу отсутствия политической воли, тесных торгово-экономических связей с США на данном этапе она может выступать как квазидер, что вероятно и будет реализовано в рамках Тихоокеанского альянса при условии долгосрочности его функционирования^[8].

Среди региональных лидеров занимающая 6-е место по ресурсной мощи Венесуэла стала центром притяжения главным образом за счет такого фактора, как политическая воля, подкрепленная ценностным (идеологическим) содержанием. Иными словами, фактор ценностного влияния (подкрепляемый экономической помощью, а не принципом прагматизма) выступил более мощным катализатором интеграции в регионе, чем экономика. Вокруг Венесуэлы сплотились государства со значительно уступающим ей ресурсным потенциалом, но объединенные единой идеологической компонентой.

Итак, проведенный анализ указывает на потенциальную или реализованную возможность стать региональным или субрегиональным лидером, используя ресурсную мощь, военный потенциал и полити-

ческую решимость руководства страны. Учитывая активность интеграционных процессов в регионе, стоит ожидать, что выявленные потенциальные лидеры при изменении внутривосточных условий смогут возглавить на определенном историческом отрезке объединительные процессы в рамках субрегионов или региона в целом.

Данное исследование показало, что абсолютным лидером во всех трех формах выступает Бразилия, которая стала ядром интеграционного объединения — МЕРКОСУР. Общий рынок стран Южной Америки стал функционировать с 1994 года в составе Бразилии, Аргентины, Перу и Уругвая. В 2012 году к нему присоединилась Венесуэла. Ресурсная мощь, военный потенциал и политические амбиции регионального лидера предопределили формирование зависимости стран объединения от крупнейшей экономики — Бразилии. Парагвай наиболее экономически и политически ориентирован на Бразилию. Уругвай остается островком социальной стабильности и благополучия, извлекая выгоды от интеграции, но в то же время проводя более самостоятельную политику. Наименее зависима Аргентина, что объясняется политической и идеологической ориентацией государства (правление Киришнеров причислено к явлению «левого дрейфа»). Венесуэла, ставшая членом организации в 2012 году, только формально причислена к системе, поскольку образует свою собственную — АЛБА. Анализ структуры экспортно-импортных операций показывает, что страны ориентированы на сотрудничество с Бразилией (15–30% приходится на торговлю с этой страной), что подтверждает высокий уровень устойчивости объединения.

Иной пример интеграции, основанной не на принципе экономической необходимости и целесообразности, а на политической воле потенциального полюса в регионе Венесуэлы — это АЛБА. Проект был создан в декабре 2004 года по инициативе Президента Венесуэлы Уго Чавеса, и представляет собой интеграцию схожих по государственному строю стран (социалистическая направленность), с явно выраженным лидером — Венесуэлой, выступающим для государств в первую очередь государством-донором. За годы существования проекта эффект интеграции проявился на экономическом росте стран. Государства развиваются сонаправлено, то есть риски стабильности внутри этих стран в случае смены строя в Венесуэле существенно увеличиваются. Второй аспект сотрудничества — доля во взаимной торговле демонстрирует, что страны не связаны друг с другом торговыми отношениями. Ключевым партнером остаются Штаты, следовательно, устойчивость этого объединения близка к нулю, так оно основано

на политической воле руководителя и экономической мощи образующего государства. Однако выступающий стержнем фактор идеологической близости содействует выработке единого подхода стран системы на международной арене. Таким образом, наличие политической воли при динамичном развитии экономики Венесуэлы содействовали зарождению новой организации, которая активно продвигает идеологические проекты — социалистический строй с боливарианским лицом, попытки отказа от доллара во взаиморасчетах через введение виртуальной валюты сукре и поддержание левых правительств.

Иной пример демонстрирует Мексика, которая по своим параметрам должна была стать вторым после Бразилии полюсом. Однако в 1994 году она вошла в состав НАФТА, то есть оказалась в непосредственной сфере влияния США. В 2014 году доля торговли с Америкой во внешнеторговом обороте Мексики превысила 80%, что свидетельствует о чрезмерной зависимости, равносильной утрате государственного суверенитета. Через механизмы экономической интеграции США соответственно располагают рычагами влияния на политическое и экономическое устройство Мексики, что определяет внешнеполитический вектор сотрудничества этого государства и формирует подходы Мексики на международной арене.

Единственная попытка Мексики войти в список реальных, а не потенциальных лидеров — это организация Тихоокеанского союза в 2012 году в составе крупнейших полюсов — Мексика, Чили, Перу и Колумбия. Тихоокеанский альянс, потенциал которого значителен — по объему это 8-я мировая экономика, занимающая 7-е место в мире по экспорту, составляющая 50% товарооборота стран региона, на долю которых приходится 41% иностранного капитала в Латинскую Америку, может стать площадкой укрепления политических амбиций Мексики и усиления взаимозависимости экономик региона, однако пока данная организация рассматривается в качестве проекта США.

Приведенный анализ и исторический опыт показал, что теоретико-методологические подходы к формированию полюса позволяют прогнозировать динамику и характер политических процессов в регионе, выявлять региональных и субрегиональных лидеров. Экономическая мощь при этом рассматривается как необходимое условие для укрепления страны и формирования вокруг нее интеграционного объединения, а политическая воля и амбиции как достаточное условие, без которого государство может позиционировать себя исключительно как национальное, не претендующее на роль интеграционного ядра.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Мартынов Б. Бразилия на мировой арене // Свободная мысль.—2014.—1.— с. 19–34.
2. Проценко, А. Е. Мексикано-американские отношения в условиях глобализации: автореф. дис. канд. полит. наук: 23.00.04: защищена 15.11.2007.— М., 2007.—24с.
3. Щербакowa А. Аргентина и США: уроки «периферийного реализма» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения.—2008.—1.— с. 100–106.
4. Розенталь, Д. М. Внешняя политика Боливарианской Республики Венесуэла: автореф. дис. к.и.н: 07.00.15: защищена 15.03.2013.— М., 2013.
5. Петрова Т. В. Перу в системе международных отношений (1821–2010). М.: Аванглион-принт, 2011.— 406 с.
6. К. М. Беликова Развитие объединительной идеи в Северной Америке: политико-правовой аспект // Право и политика.— 2013.— 3.— С. 336–344. DOI: 10.7256/1811–9018.2013.03.4.
7. Л. В. Евдокимов Эволюция латиноамериканской модели регионализма // Политика и Общество.— 2012.— 9.— С. 69–73.
8. Беликова К. М. Исторические, политические и правовые факторы экономической интеграции стран Европы и Америки: ретроспектива и современность // Международные отношения.— 2013.— 2.— С. 134–151. DOI: 10.7256/2305–560X.2013.02.5.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Martynov B. Braziliya na mirovoi arene // Svobodnaya mysl'. —2014.—1.— s. 19–34.
2. Protsenko, A. E. Meksikano-amerikanskije otnosheniya v usloviyakh globalizatsii: avtoref. dis. kand. polit. nauk: 23.00.04: zashchishchena 15.11.2007.— M., 2007.—24s.
3. Shcherbakova A. Argentina i SShA: uroki 'periferiinoogo realizma' // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya.—2008.—1.— s.100–106.
4. Rozental', D. M. Vneshnyaya politika Bolivarianskoi Respubliki Venesuela: avtoref diss. k.i.n: 07.00.15: zashchishchena 15.03.2013.— M., 2013.
5. Petrova T. V. Peru v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii (1821–2010). M.: Avanglion-print, 2011.— 406 s.
6. K. M. Belikova Razvitie ob'edinitel'noi idei v Severnoi Amerike: politiko-pravovoi aspekt // Pravo i politika.— 2013.— 3.— С. 336–344. DOI: 10.7256/1811–9018.2013.03.4.
7. L. V. Evdokimov Evolyutsiya latinoamerikanskoi modeli regionalizma // Politika i Obshchestvo.— 2012.— 9.— С. 69–73.
8. Belikova K. M. Istoricheskie, politicheskie i pravovye faktory ekonomicheskoi integratsii stran Evropy i Ameriki: retrospektiva i sovremennost' // Mezhdunarodnye otnosheniya.— 2013.— 2.— С. 134–151. DOI: 10.7256/2305–560X.2013.02.5.